

DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.008

ОТНОШЕНИЯ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ ПО ЖИТИЮ ГРИГОРИЯ ХАНДЗТЕЛИ: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗБОР И КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ

М. Д. Шкиль

Проблема отношения светской власти и Церкви является важным феноменом в понимании Средних веков и отдельно истории Закавказья. В настоящей статье будет рассмотрено житие преподобного Григория Хандзтели (759–861) на предмет соотношения духовной и светской власти. Важно выяснить, какую картину мира выстраивает Георгий Мерчул, автор жития, какую роль в ней автор отводит светской власти и духовенству, и как в житии разделяются сферы духовной и светской власти. Автор жития построил повествование так, чтобы показать греховность и слепоту светской власти к Божественной воле. В сущности, отношения между светской властью и Церковью основаны на распределении материального блага. Чем больше блага будет распределено духовенству, тем крепче будут отношения между Небесным и Земным градами, потому как только «духовно сильные люди» ведомы Божьей волей и не отступают от нее ради мирских желаний, как это постоянно делают светские правители. Согласно Георгию Мерчулу, светские правители должны заниматься внутренними делами и способствовать возвеличению Церкви как институту, который напрямую следует Божественной воле. Вся власть должна быть сосредоточена в ней как в той инстанции, действиями которой ведает сам Бог. Тао-Кларджети в пик деятельности Григория Хандзтели не случайно названа «монастырской республикой», то есть речь идет о теократии (по крайней мере, на страницах жития), где духовная власть доминирует над светской. Последняя подчиняется ей и распределяет материальные блага в ее пользу, чтобы получить вечную жизнь.

Ключевые слова: История Закавказья, Церковь, светская власть, Георгий Мерчул, Григорий Хандзтели, Средние века.

Для цитирования: Шкиль М. Д. Отношения светской власти и церкви по житию Григория Хандзтели: текстологический разбор и контекстуализация // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 136–144. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.008

В Средние века всегда присутствовала проблема соотношения светской власти и Церкви. Она, в сущности, характеризует всю эпоху и проливает свет на средневековую повседневность. В современной историографии до сих пор не решен вопрос (и вряд ли будет, потому как он слишком «казусный» и зависит от многих переменных) о «теории двух мечей» [1]. Если для западноевропейского средневековья эта проблема характеризуется словами «власть Церкви» (*auctoritas sacra pontificum*) и «власть светская» (*regalis potestas*) в отношении короля и Папы Римского, то на христианском Востоке на эту проблему смотрят под другим углом.

Французский византинист Жильбер Дагрон изучал проблему священничества императора и симфонии власти духовной и светской [2]. В монографии историк доказывает, что на протяжении всей истории Византии «царство» (*imperium*) и «священство» (*sacerdotium*) были неразрывно связаны между собой. Ж. Дагрон признавал цезарепапизм словом-убийцей, поскольку на Христианском Востоке всегда присутствовала симфония духовной и светской власти [2, 370]. Все было строго разграничено в отношении церемониальном и сакральном. Многочисленные церемонии, ставшие традицией еще с раннего времени (в частности, шествие из императорского дворца в храм

святой Софии через весь Константинополь, последующее преклонение перед патриархом, допуск императора в алтарь и др.), французский византист называет «театральным, превосходно отрежиссированным спектаклем» [2, 169].

Для своего исследования Ж. Дагрон брал в основном труды придворных историографов и богословов, которые развивали идеальный образ отношений двух властей. Кроме всего прочего, историк использовал жития для изучения частных практик вопроса о «симфонии». Тем не менее, Дагрон смещал фокус с вопроса об отношении светской власти и Церкви, поскольку его главной проблемой было скорее соотношение власти императора (первого среди мирян) и патриарха (первого среди священников) в Византии. Но может ли изучение двух главных византийских властителей (церкви и государства) приблизить к пониманию отношений светской и духовной властей в Грузии IX века?

В настоящей статье будет рассмотрено житие преподобного Григория Хандзтели (759–861) на предмет соотношения духовной и светской власти. Важно выяснить, как автор жития определяет миссию священников (отдельно – святого Григория) и мирских властителей, и как в житии разделяются сферы духовной и светской власти. При этом житие будет проанализировано сначала вне общего контекста противостояния арабского мира с христианской Грузией, чтобы показать, насколько важен образ святого, который конструирует автор жития, для становления «монастырской республики» (*monastic republic*) в Тао-Кларджети [4, 134].

Григорий Хандзтели был основателем монастырей Хандзта и Шатберди в Тао-Кларджети (ныне территория Турции). О его деяниях было создано житие. Автор заявляет о себе в тексте: «Это Житие блаженного Григория написано в Ханд-

зте совокупным усердием всех трех лиц – игумена Хандзты, брата его Иоанна и автора этой книги Георгия Мерчула»¹. Из трех людей автором выделяется именно последний, в то время как остальные были скорее всего помощниками по сбору информации.

В современной историографии принято считать 951 год официальной датой создания жития святого: «написано спустя 90 лет после его преставления, в 6554 году от начала мира, в патриаршество в Иерусалиме Агафона, в католицизм Михаила во Мцхете, в господство над грузинами куропалата Ашота, сына Адарнерсея, царя грузин...» Тем не менее, в самом тексте Георгий Мерчул указывает, что житие несколько раз дополнялось. К примеру, в него вносил изменения «эристав эриставов» Баграат: «Среди них оказался сын великого Адарнерсея, куропалата, эристав эриставов Баграат... Им обновлено это Житие блаженного отца Григория внесением исключенных знамений».

Автор жития, Георгий Мерчул, был воспитанником так называемой Тао-Кларджетской литературной школы, основанной еще при жизни святого Григория. Тао-Кларджети в целом являлась регионом, куда бежали грузины из захваченного арабами Тбилиси. Восстановление христианского государства и восстание против арабов было центральной идеей движения светской власти и духовенства в лице Ашота I Куропалата и архимандрита Григория Хандзтели [4, 135].

Последний построил в Хандзта храм Георгия Победоносца с монастырем, ставший впоследствии главным культурным и просветительским центром кларджетских земель. В городе появилась не только литературная, но и грамматическая, каллиграфическая и переводческая школы. Именно картвельские книжники разных школ (среди них, к примеру, Опизская (VI в.), Шатбердская (VIII в.),

Цкаростава (VIII в.), Тбети (IX в.), Ошки (IX в.) и др.) заложили основу для развития оригинальной гимнографии и агиографии [5, 35]. Во времена святого Григория на уровне книжности сложилась особая философская картина мира, отголоски которой можно услышать от Георгия Мерчула.

Согласно П. Ингорокве, автор жития мог быть не только теологом, но и правоведом. «Мерчул» может быть не его фамилией, а, вероятно, его титулом («Законник»), который просто был неправильно переведен [6, 46]. В тексте можно увидеть определенную иерархию отношений светской и духовной власти, над которой Мерчул работал. Можно также предположить, что подобная картина мира, которую описывает автор жития, не говорит «как все было на самом деле», а скорее является образцовой для светских правителей, чтобы указать на их законное место в Граде Земном в сравнении с «духовно сильными людьми», как о духовенстве пишет сам Мерчул.

Несмотря на то, что Григорий Хандзтели был внесен в церковные святцы (день памяти 5 октября), духовенство не знало, кем при жизни являлся этот святой и какие чудеса творил [7]. Память о святом была утеряна уже спустя девяносто лет с момента смерти Григория Хандзтели при том, что времена культурного упадка в Грузии были еще впереди. Автор жития отмечает: «Чудеса их от давности времени теперь преданы глубине забвения». После XI в. Грузия пережила множество нашествий (монголов, иранцев, персов, турок и др.), в ходе которых были разграблены, уничтожены или перестроены в мечети многие церкви и монастыри, хранившие в архивах память о святом.

Вместе с памятью о преподобном в Средние века также было утеряно и житие о нем. О нахождении жития есть две версии. Первая и довольно расхожая

гласит, что текст был найден Николаем Яковлевичем Марром, российским и советским востоковедом и кавказоведом, в Иерусалиме в 1902 г. Ученый перевел на русский язык, снабдил комментариями и издал сочинение в 1911 г. Вторая версия отдает первенство Георгию Николаевичу Чубинашвили, который обнаружил житие среди рукописей Крестового монастыря в Иерусалиме в 1845 г. [8, 74] При этом удивительно, что сам Г.Н. Чубинашвили родился только в 1885 году. Так или иначе рукопись Jer. 2 сейчас хранится в Иерусалимской Патриаршей библиотеке.

Житие начинается с детства и юношества святого Григория. Отношения Церкви и светской власти раскрываются в тексте во многом через идентичности и распределение ролей. Примечательно, что сам преподобный – выходец из знатной семьи. Он был племянником жены правителя Картли, Нерсе Эристави, и воспитывался в их семье. Родственные ему князья желали сделать его священником (и в перспективе – епископом), потому как «он был для всех, точно ангел Божий».

После долгих уговоров Григорий становится священником. Чуть позже он решает убежать в пустыню и сделаться отшельником. Старая идентичность мирянина заменяется на новую. Если раньше Григорием управляли его родственные князья, то теперь его действиями и решениями руководит только Бог. Поэтому уходит в отшельничество он согласно Божьей воле: «Он уразумел неизменчивое Царство, князей неба, то, желая быть членом их сонма, он оставил изменчивую честь мира, царства смертных людей...»

Когда куропалат Тао-Кларджети отправлял святому Сабану письма, он желал, чтобы блаженный пришел по первому его зову, но тот явился только после письма от святого Григория. На возмущение властителя Сабан ответил: «Славный

царь, ты – властитель земли, а Христос властвует над небесами, землю и преисподнею; ты – царь вот этих племен, а Христос царствует над всеми созданиями; ты – царь преходящего времени, а Христос – царь вечный... никто не может служить двум господам» (Мф. 6, 24; Лк. 16, 13), и вот я пришел к тебе по слову нашего брата и учителя Григория».

В сущности, житие разграничивает поля деятельности духовенства и светской власти, но в то же время объединяет их перед Богом и его волей. Как говорит куропалату Ашоту святой Григорий, «Бог вас, властителей, уполномочил управлять страной, почему мы и постигаем, что твоим царствованием Бог благоволит нам».

Кто в таком случае является праведным правителем согласно Григорию? Так он называет властителей, кто является «крепостью церквей и оградой христиан» (одним из таких был куропалат Ашот). Первый пункт оказывается особенно важен для нарратива жития, потому как именно Бог дал власть строить церкви правителям. Правители от Бога получили миссию не только праведно судить свой народ, но и соучаствовать в трудах монахов, спонсируя их деньгами и ресурсами. В то время, как уже было упомянуто, духовенство «не находится ни под чьей властью на земле».

При этом праведные властители сами предложат духовенству построить монастырь и у них не нужно будет ничего просить первым. Именно так поступил местный феодал азнаур Гавриил Дапанчул, который желал построить мужской и женский монастыри в Хандзте и Гунатлэ. Так же распорядился поступить куропалат Ашот: «...пожертвовал хорошие места и в числе их местность Шатберд в качестве пахотной дачи».

В то же самое время правитель необязательно должен быть «правоверным». Примечателен случай с абхазским царем

Димитрием, к которому прибыл Григорий. Царь предложил святому построить в его царстве монастырь там, где тот пожелает. Однако Григорий не нашел места для монастыря, поскольку на абхазской земле нельзя поститься. Это обстоятельство не помешало святому построить монастырь «соответственно вере царя».

С первого взгляда отношения между земными властителями и духовенством мало чем отличаются от того дискурса, который предлагает Ж. Дагрон. Император должен покаяться, чтобы утвердить свою легитимность [2, 158]. Так и с земными властителями, согласно житию: они должны материально поддерживать и с почестями относиться к духовенству, которые выполняют миссию Бога на земле.

Исполняя «волю Божию» (строительство церквей или монастырей никак по-другому в житии и не объясняется, как по воле Христа), цари получают заветную вечную жизнь. На встрече в Хандзте Григория и игуменов монастырей святой говорит о миссии царей: «вам Господь предоставил смертную царственностью насадить святыне церкви бессмертных властителей... Знайте, что эти духовно снаряженные войска ваши, святыне отцы пустынножители, суть в боевых рядах крепости ваших телесно выстроенных войск и вооружение всех верующих царей... чтобы с земным царством получить бесконечное сожителство с небесным Царем».

Если константинопольский патриарх не вмешивается во власть императора (в основном связанную с внешне- и внутривосточными делами), а византийский император мог даже назначать епископов и утверждать патриархов, то Георгий Мерчул был против того, чтобы правители вмешивались в дела Церкви. Автор жития приводит случай, когда самцхийский народ и Миреан, отец Арсения, назначили того католико-

сом в обход большого числа грузинских епископов. Властитель Гуарам собрал духовенство в лице «святых отцов, епископов и пустынных» и ждал услышать от них, что назначение католикоса должно быть согласовано как с духовенством, так и с властителями. Автор жития еще до слов Григория обличает его как неправого в этом споре – «много говорил он и по части законов так, как не подобает мирянам».

Действительно, Миреан поступил неправильно, не уведомив о назначении всех грузинских епископов. Однако в том, что он не согласовал свои действия с властителем Гуарамом, нет его вины, поскольку, как говорит Григорий, в «канонах, определенных святыми апостолами и преподобными иерархами и нет вовсе разрешения, чтобы мирянин дерзал поучать закону, который подлежит распоряжению отцов, епископов и законоучителей, или вводить новшества; это – пренебрежение к закону и иерархам...»

Все правила и законы, которые властитель хотел бы привнести, он должен не проповедовать сам от себя, а в первую очередь согласовать со своим епископом, «который и преподаст пастве, если это надлежит». Ближе к концу жития Григорий все чаще выступает как судья, говорящий от лица всего духовенства. К примеру, в упомянутом выше сюжете с назначением католикоса его уважают и позволяют говорить первым по старшинству и по мудрости в обход церемониалу, где право первого слова принадлежит архиереям.

Григорий буквально сливается с Церковью в житии, неся с собой Божью волю и Божью справедливость. Именно так святой представлен в трех сюжетах, где грех учиняют три светских правителя. Нарратив в них строится на трех компонентах: прегрешение, обличение и покаяние.

Первый сюжет повествует о властителе куропалате Ашоте, который привел в крепость, построенную для проживания своей жены, «распутную женщину» и грешил с ней, потому как «демон любви очень разжигал его». Тогда сам Ашот обратился за помощью к Григорию как к великому старцу, который был чудотворцем и пользовался уважением перед Богом и людьми.

Святой отругал любовницу куропалата и увел ее в Мерию в церковь Святой Богородицы к матери Февронии. Узнав об этом, Ашот пришел в мерийскую церковь и стал выпрашивать свою любовницу у Февронии, но получил отказ. Блаженная прекрасно знала, почему пришел куропалат, и потому поймала его на лжи, когда Ашот стал ее убеждать. Он пытался доказать, что любовница, которую он ищет, на самом деле была ключницей и украла имущество из его крепости. Как только куропалат оказался обличен, то раскаялся и «уразумел свой позор с удалением желанья плотской страсти».

Автор жития хотел показать этим случаем не только Божью справедливость святого, но и кардинальное отличие представителей светской власти от духовенства. Григорий и Феврония оказались обличителями греха мирского властителя неспроста. Как пишет об этом Георгий Мерчул, «телесно могущественного властителя победили духовно сильные люди, вооруженные божественною ревностью». Этим автор жития хочет сказать, кого должны слушать правители при принятии решений, чтобы не отступить от Бога в пользу своих мирских желаний и грехов.

Вторая история рассказывает о сыне куропалата Ашота, властителя Адарнерсе. Тот в некоторой степени унаследовал от отца греховный путь и по наущению любовницы удалил от себя верную жену, отправив в Абхазию на ее родину. Григорий узнал об этой ситуации через Хри-

ста, как пишет автор жития. Если отец был обличен и покаялся, то сын остался на своем. Тогда Григорий проклял Адарнерсе и весь его род так, что ему (и впоследствии его заболевшим детям) пришлось ехать к бывшей жене Адарнерсе, чтобы просить прощение, снимающее проклятие. Больше всех от Григория пострадала любовница, которая «сделалась соблазном для богочестивого властителя и разлучила его с верною женою». Житие показывает, что Григорий является проводником Божьей кары. Блаженная Феврония восхваляет святого за то, как он обошелся с властителем, его родом и любовницей: «Истинен суд отца Григория!»

Третий сюжет не похож на упомянутые два. Если до этого речь шла о греховности светской власти, то здесь кардинально меняется тон самого жития, переворачивая нарратив в противостояние Церкви и христианских мирян арабскому халифату.

Начинается история тем, как диакон Цкир через тбилисского эмира Сахака получил анчскую кафедру. Об этом узнал Ашот и попросил всех членов анчской соборной церкви написать письмо католίκосу Грузии. На собрании отец Григорий и мать Феврония извергли его из соборной церкви «как сгнивший член». Цкир отвоевал анчскую кафедру и пошел войском на Хандзту, чтобы устранить Григория как главного противника. В это время святой молился, пока не услышал от Христа, что «злая смерть постигнет Цкира».

Как можно было заметить, само житие представляет Григория Хандзтийского скорее как мудрого святого-пустынника, через которого Бог несет свою волю и чудеса. Однако почему, если арабы хотят нанести урон Тао-Кларджети, они хотят убить святого? Если прошлые события показывали Григория как чудотворца, строившего монастыри для утверждения христианской веры, то после неудачных

попыток тбилисского эмира Сахака привести смуту в церковную жизнь Грузии путем поставления Цкира на анчскую кафедру и покушения на Григория становится ясно, что святой играет куда большую роль в общем контексте противостояния арабской и христианской Грузии.

Если рассматривать житие без контекста, то не совсем ясно, зачем Георгий Мерчул описывает, как Григорий вместе со своими учениками строит монастыри на всем протяжении жития. Лишь ближе к концу духовенство и светская власть начинают устраивать соборы. Житие последовательно описывает создание «монастырской республики» из двенадцати монастырей [4, 134].

В этой «республике» Григорий являлся архимандритом и правителем наравне со светскими властителями. Неудивительно в таком случае, почему ему было позволено высказаться прежде архиепископов, почему блаженный Сабан пришел на зов властителя только после письма Григория и, что самое главное, почему святому позволялось быть судьей.

Его сподвижниками являлись беженцы из районов арабской Грузии (в 853 г. Тбилиси захватывает Буга-Тюрка, тюркский военачальник на службе у правителей Аббасидского халифата). Юго-Западную Грузию можно в целом назвать центром патриотического сопротивления арабскому владычеству. Ашот I был лидером движения, восставшего против арабов. Он имел поддержку византийского императора, от которого и получил титул «куропалат» [4, 135]. В сущности же, в Тао-Кларджети было два правителя: Ашот I и Григорий Хандзтели. Можно ли их власть назвать симфонией так же, как в случае с отношениями между византийским императором и константинопольским патриархом?

Георгий Мерчул в этом плане следует своему распределению обязанностей по осуществлению Божьей воли на зем-

ле. Светские властители – правители своих земель и людей, не считая духовенства, у которых может быть лишь только один господин – «царь вечный». Духовенство не прислуживает светской власти, но при этом тесно с ней связано. Без последней не будет и первой, потому как праведные (согласно Георгию Мерчулу) князья должны материально поддерживать и с почестями относиться к духовенству, которое выполняет миссию Бога на земле. Праведные князья также не станут вмешиваться в назначение лиц Церкви.

В сущности, отношения между светской властью и Церковью основаны на распределении материального блага. Чем больше блага окажется у духовенства, тем крепче будут отношения между Небесным и Земным градами, потому как только «духовно сильные люди» ведомы Божьей волей и не отступают от нее ради мирских желаний, как это постоянно делают светские правители.

Георгий Мерчул буквально дает понять, что на Церкви строится внутри- и внешнеполитическая жизнь Тао-Кларджети. Тбилисский эмир Сахак желает завоевать территорию Ашота и его наследников, не просто захватив их большим войском, но наведя смуту установлением на анчскую кафедру подставного человека в лице Цкира. Война идет не между Ашотом (или его наследниками) и Сахаком, но между Цкиром и Григорием Хандзтели. В этой войне святому помогает Бог, который несет кару подставному лицу и убивает его. Это дает основания предполагать, что реальная власть находится имен-

но у тех, кто ближе всего находится к Богу.

Из жития становится понятно, что в распределении нет той симфонии, которая существовала между константинопольским патриархом и византийским императором. Согласно Георгию Мерчулу, светские правители должны заниматься внутренними делами и способствовать возвеличиванию Церкви как институту, напрямую следующему Божественной воле. Вся власть должна быть сосредоточена в ней как в той инстанции, действиями которой ведает сам Бог. Такое положение не отвечает распределению, изученному Ж. Дагноном. Тао-Кларджети в пик деятельности Григория Хандзтели не случайно названа «монастырской республикой», то есть речь идет о теократии (по крайней мере, на страницах жития), где духовная власть доминирует над светской. Последняя подчиняется ей и распределяет материальные блага в пользу нее, чтобы получить вечную жизнь.

Таким образом, можно отметить, что, с одной стороны, нарратив жития о распределении светской и церковной власти склоняется в пользу последней в плане реальной власти. Георгий Мерчул построил такое повествование, которое бы давало понять светской власти ее греховность и по этой причине слепоту к Божественной воле. С другой стороны, житие могло быть написано для назидания новым правителям, которым автор рекомендует вернуться к распределению обязанностей между Церковью и светской властью в период деятельности святого Григория для обретения вечной жизни.

Примечание:

1. Здесь и далее текст в переводе Н. Я. Марра приведен с сайта «Восточная литература»: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/IX/860-880/Handz/text2.htm>

1. Goodson C. J. The Rome of Pope Paschal I: Papal Power, Urban Renovation, Church Rebuilding and Relic Translation, 817-824. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 408 p.
2. Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме»/Пер. А. Е. Мусина, под ред. И. П. Медведева. СПб.: Нестор-История, 2010. 480 с.
3. Житие святого Григория Хандзтийского. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/IX/860-880/Handz/text2.htm>
4. Lang D. M. Lives and Legends of Georgian Saints. Second Edition, revised. Crestwood: St. Vladimir's Seminary Press, 1976. 180 p.
5. Башелешвили Л. О. Введение в грузинскую филологию. М.: Восточная литература, 2007. 77 с.
6. Tuite K. The Rise and Fall and Revival of the Ibero-Caucasian Hypothesis // *Historiographia Linguistica*. 2008. No. 35 (1–2). Pp. 23-82.
7. Робакидзе Г. Стержень Грузии. В ответ на статью Н. Мицишвили «Думы о Грузии». [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2004/3/sterzhen-gruzii.html>
8. Осенашвили Л. Символика облачения блаженного Григория Хандзтийского (по миниатюре рукописи XVIII века) // *Кавказоведение*. 2005. № 7. С. 74-81.

Shkil, Maksim D. – Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); m.shkil1334@gmail.com

RELATIONS BETWEEN SECULAR POWER AND THE CHURCH IN THE VITA OF GRIGOL OF XANDZTA: TEXTUAL ANALYSIS AND CONTEXTUALIZATION.

Keywords: History of the Transcaucasus, Church, secular power, Giorgi Merčule, Grigol of Xandzta, Middle Ages.

The problem of the relationship between secular power and the Church is an important phenomenon in the understanding of the Middle Ages and separately the history of the Transcaucasus. The article examines the vita of the Grigol of Xandzta (759–861) in terms of the relationship between the Church and secular power. It is important to find out, how Giorgi Merčule, the author of the vita, saw the relations between secular rulers and clergy, what role he attributes to secular power and clergy, and how the spheres of spiritual and secular power are divided in the vita. The author of the vita structured the narrative to show the sinfulness and blindness of secular authority to the divine will. In essence, the relationship between the secular authorities and the Church is based on the distribution of material goods. The more good is distributed to the clergy, the stronger will be the relationship between heavenly and earthly cities, because only “spiritually strong men” are guided by God’s will and do not retreat from it for the sake of worldly desires, as secular rulers constantly do. According to Giorgi Merčule, secular rulers should deal with internal affairs and promote the exaltation of the Church as an institution that directly follows the divine will. All power should be concentrated in it as the institution whose actions are directed by God himself. It is not by chance that Tao-Klarjeti, at the peak of Grigol of Xandzta’s life, is called a “monastic republic”, that is to say a theocracy (at least in the pages of his hagiography) in which spiritual power dominates over secular. The latter submits to it and distributes material goods in its favour in order to gain eternal life.

For citation: Shkil, M. D. *Relations between secular power and the Church in the Vita of Grigol of Xandzta: textual analysis and contextualization* // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 48 (87). Pp. 136-144. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.008

References

1. Goodson, C. J. *The Rome of Pope Paschal I: Papal Power, Urban Renovation, Church Rebuilding and Relic Translation*, 817-824. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 408 p.
2. Dagron, G. *Imperator i svyashhennik. Etyud o vizantiiskom "cezarepapizme"* [The Emperor and the Priest. An essay on Byzantine "Caesarepapism"]. St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2010. 480 p.
3. *Zhitie svyatogo Grigoriya Khandztiiskogo* [Life of St. Grigol of Xandzta]. [electronic resource]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/IX/860-880/Handz/text2.htm>
4. Lang, D. M. *Lives and Legends of Georgian Saints*. Second Edition, revised. Crestwood, St. Vladimir's Seminary Press, 1976. 180 p.
5. Bachelesvili, L. O. *Vvedenie v gruzinskuyu filologiyu* [An Introduction to Georgian Philology]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2007. 77 p.
6. Tuite, K. The Rise and Fall and Revival of the Ibero-Caucasian Hypothesis. *Historiographia Linguistica*. 2008, no. 35 (1-2), pp. 23-82.
7. Robakidze, G. *Sterzhen' Gruzii. V otvet na stat'yu N. Mitsishvili "Dumy o Gruzii"* [Georgia's core. In response to N. Mitsishvili's article "Thoughts on Georgia"]. [electronic resource]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2004/3/sterzhen-gruzii.html>
8. Osepashvili, L. *Simvolika oblacheniya blazhennogo Grigoriya Khandztiiskogo (po miniatyure rukopisi XVIII veka)* [Symbolism of the vestment of the Blessed Grigol of Xandzta (from an 18th century manuscript miniature)]. *Kavkazovedenie*. 2005, no. 7, pp. 74-81.